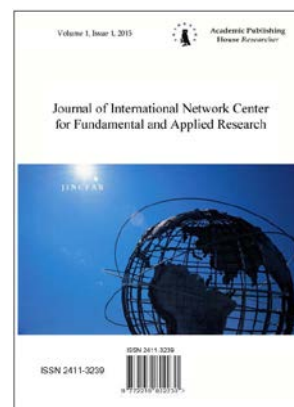

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 6, Is. 4, pp. 204-213, 2015

DOI: 10.13187/jincfar.2015.6.204
www.ejournal36.com

UDC 93:477(1947)

**«Noisy and by obscenities exchanged the money Great Patriotic War's veterans...»:
The archive documents about response of Soviet citizens
at the monetary reform in 1947**

Igor E. Tatarinov

Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk People's Republic
PhD (History), Assistant Professor, Department of Political Science and International Relations
20-a, kvartal Molodiojnyy, Lugansk, 91047
E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Abstract

The article deals with the post-war government's measures to stabilize the financial system of the USSR through the response of Soviet citizens at the monetary reform in 1947 and the abolition of the card system. On the basis of archival materials studied the appraisal of the population at the post-war Soviet events of everyday life in the field of finance. The reform was eliminate the consequences of the Second World War in the field of monetary, completely withdrawing from circulation counterfeit money.

By reducing the amount of cash of the population, have not succeeded in eliminating disproportion between demand and supply. The post-war reality brought about changes in the mood of citizens. The disparity between reality and expectations could not be displayed on the mood of citizens, and led to the peculiar practice of the post-war existence. Published sources can be useful to historians who engaged in research of social-minded citizens of the Soviet period and the post-war Soviet everyday life.

Keywords: ration stamp, inflation, financial reform, social mood, abuse, everyday life.

Введение

На фоне растущей политизации гуманитарных наук, в последнее время особое значение приобретает проблема обеспечения источниками исследования отдельных аспектов послевоенной повседневности. Долгое время отсутствие доступа к архивным материалам существенно ограничивало возможности тогдашних учёных исследовать определённые проблемы. Как следствие, база многих работ была чрезвычайно узкой, ограниченной общими официальными материалами. В то время как подавляющее большинство документов, объективно отражавших советскую послевоенную повседневность, сразу засекречивались. Практически все ценные документы хранились в недоступных для исследователя спецхранилищах под грифом «секретно» и «совершенно секретно». В то же время, в конце 1980-х гг. обозначился процесс рассекречивания архивных документов и учёные получили возможность на новой документальной основе строить свои исследования.

Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Луганской области (ГАЛО); работы ведущих исследователей послевоенного периода советской повседневности (Е. Зубкова, И. Чуднов и др.), материалы научной периодики («Отечественная история», «Социологические исследования» и др.).

Методологическая база исследования сформировалась на принципах научности, системности, историзма и объективности. Для анализа и систематизации источников по теме исследования автором задействовано конкретно-поисковый метод. Проблемно-хронологический метод позволил распределить тему на отдельные составляющие и исследовать их. Применение сравнительного метода позволило выявить особенности реакции граждан на финансово-стабилизационные мероприятия 1947 года. Для выявления причин и последствий реформы был применён статистическо-аналитический метод. Абстрактно-логический метод позволил обобщить, синтезировать и интегрировать выводы по теме реакции советских граждан на денежную реформу 1947 года и отмену карточной системы.

Обсуждение

Длительный период реакция населения на многие резонансные события послевоенной советской повседневности оставалась практически не изученной. Именно такую малоисследованную тему и составляет оценка денежной реформы 1947 года советскими гражданами. Стоит отметить отдельные работы таких отечественных авторов, как Э. Завадская и Т. Царевская, Е. Зубкова, В. Кононенко, И. Чуднов [1], которые в той или иной степени затрагивают исследуемое событие. Среди типичных работ советского периода выделим не лишённые объективности работы, написанные непосредственным очевидцами и участниками послевоенных событий. Советские исследователи отмечали тот факт, что основным методом повышения реальных доходов населения в послевоенные годы стало снижение государственных розничных цен, отмечая при этом позитивную оценку денежной реформы большинством населения [2].

В связи с практически полным отсутствием публичных социологических опросов в 1940–1950-е годы создаётся некая иллюзия дефицита источников по социальным настроениям граждан в исследуемый период. Однако, как справедливо отмечают некоторые авторы, это не означает, что власти вообще не интересовались настроениями советских граждан. Напротив, такого рода информация регулярно «отслеживалась» и докладывалась. Сбором такой информации занимались в той или иной форме различные государственные и общественные организации. Но главными структурами, для которых такого рода деятельность была обязательной и постоянной, были партийные органы и специальные подразделения органов внутренних дел и государственной безопасности. Информация о настроениях населения поступала в ЦК ВКП (б) главным образом по трём каналам: от партийных органов; от государственных органов и общественных организаций; от частных лиц. Методом опроса руководителей областей по телефону собирались, например, сведения о настроениях населения в период подготовки к выборам 1946 г., об отношении людей к повышению пайковых цен 1946 г. и денежной реформе 1947 года [3].

Результаты

Послевоенные годы были омрачены рядом серьёзных трудностей. За годы Великой Отечественной войны резко возросли военные расходы. В то же время производство потребительских товаров существенно сократилось и, как следствие, уменьшился розничный товарооборот. Ввиду невозможности в ближайшей перспективе ликвидировать эту диспропорцию, правительство выпускало в обращение большое количество необеспеченных товарной массой денег. Это снижало их покупательскую силу. Ситуация ухудшалась наличием в обороте значительного количества фальшивых денежных знаков. Нацистские оккупанты наводнили фальшивыми деньгами СССР, поскольку достаточно продолжительное время практически беспрепятственно выпускали их на временно оккупированной территории. Таким образом, необходимость финансовой реформы была

продиктована необходимостью снизить инфляцию в государстве, нейтрализовать спекуляцию и изъять необеспеченную денежную массу из оборота. Вторым фактором, который обуславливал реформу, был пропагандистский. Вместе с обменом старых денежных средств на новые, предполагалось отменить существовавшую с 1941 года карточную систему, которая вызвала у населения определённое недовольство нормированным распределением продуктов питания и промышленных товаров. Таким образом, советское руководство стремилось планируемой реформой частично решить экономические проблемы и продемонстрировать гражданам силу и новые возможности советского государства. Был разработан вариант изъятия излишней массы денег из обращения путём проведения в кратчайшие сроки денежной реформы, что диктовалось жизнью и являлось объективной необходимостью.

Отметим, что денежной реформе предшествовала кампания по сбалансированию розничных цен. Суть мероприятий сводилась к сближению коммерческих и пайковых цен путём снижения первых и повышение вторых. Это ухудшило бюджет среднестатистической советской семьи. Повышение пайковых цен было компенсировано незначительным увеличением зарплаты работникам с низкими и средними заработками, получившее название «хлебной надбавки». Безусловно, она не могла возместить в полном объёме растущие расходы рабочего бюджета. Советское руководство впоследствии регулярно осуществляло широко рекламируемые снижения цен, в том числе и в пропагандистских целях, чтобы показать «заботу руководства об улучшении благосостояния народа». Однако неправильно считать, что эти меры страдали популизмом, и не улучшили материального уровня жизни украинских рабочих. Действительно, власти применяли достаточно широкий арсенал пропагандистских методов для освещения этих акций в нужном свете. К тому же при нерыночной модели экономики ручное управление ценовой политикой позволяет государству решать не только экономические вопросы, но и влиять и манипулировать общественным мнением населения. Снижения цен всегда стояли в авангарде популистских мер для поддержания авторитета советской власти и формирования положительных эмоций в обществе. Однако в тех условиях такие акции часто были единственным экономическим рычагом и смогли частично улучшить уровень жизни населения. Как правило, о них сообщалось за несколько дней: в магазинах появлялись яркие плакаты и объявления, приглашая покупателей на распродажу, и создавая, таким образом, ощущение праздничности, вызывая положительные эмоции. На предприятиях проводились митинги, где звучали слова благодарности руководству страны.

Что характерно, ещё с весны 1947 г. по стране циркулировали слухи о возможном обмене денег и новых ценах. Каналами утечки информации о предстоящей реформе часто были партийные функционеры, которые не могли не обсудить секретную информацию в кругу семьи, работники типографий, где печатались прејскуранты с новыми ценами и т.п. Это привело к некоторому увеличению количества вкладов. Так, в I-м и II-м кварталах сберкассы РСФСР зафиксировали рост вкладов на 509,6 и 547,8 млн. руб., соответственно. Слухи о возможной конфискации денежных средств резко затормозили процесс, и III-й квартал дал рост всего 95 млн. руб., а осенью вкладчики сняв деньги обратили их в товары и ценности, что привело к существенному скачку цен, местами до 100%. В Москве до конца ноября 1947 г. в сберкассы ежедневно поступало 7–8 млн. рублей и примерно столько же выплачивалось вкладчикам. Но уже 28 ноября сумма поступлений и выплат увеличилась в 3 раза, 29 ноября – в 7 раз, а 30-го – уже в 10 [4]. Сберкасса №72 Коминтерновского района Москвы выдавала в среднем вкладов на 70 тыс. рублей в день, а за 29 ноября выплатила свыше 500 тыс. рублей [5]. К концу ноября отрицательное сальдо сберкасс (отток средств) достигло 442 млн. рублей. Однако в начале декабря, когда на места поступили секретные указания о предстоящих мероприятиях и соответствующая информация просочилась «в народ», пошёл обратный процесс: вклады резко возросли, причём преобладали вклады с небольшими суммами, т.е. такими, которые подлежали обмену на условиях 1:1 [6].

Неопределённость и опасения конфискации денег спровоцировали у населения торговый бум. Как отмечалось в Докладной записке главы МВД СССР С. Круглова о распространении слухов о подготовке денежной реформы и реакции населения на эти слухи на имя Сталина, Берия, Вознесенского, Кузнецова (29.11.1947 г.), в Москве ежедневная выручка магазинов Москушпромторга до 25 ноября 1947 г. составляла в среднем от 2,2 до

2,5 млн. руб., 28-го ноября составила 7,4 млн. руб., а к 16 часам 29 ноября превысила 13 млн. рублей. Комиссионный магазин №134 Москуппромторга в обычное время продавал товаров на сумму 200–220 тыс. руб. в день, а 28 ноября было продано товаров на 709350 рублей. При этом 28 ноября магазин продал 4 картины стоимостью 20 тыс. рублей, которые до этого в течение 6 месяцев не имели спроса. В комиссионном магазине №127 выручка обычно составляла 170–180 тыс. руб. в день, а 28 ноября продажи превысили 600 тыс. рублей. В мебельных магазинах №№115, 117 и 131 были проданы мебельные гарнитуры стоимостью 30, 50, 60 тыс. рублей, а на гарнитур в 101 тыс. рублей, который в течение нескольких лет не продавался, имелось 4 покупателя. Аналогичное положение имело место и в других магазинах системы Москуппромторга, Ювелирторга и других торговых сетей [7].

Муссировавшиеся в рабочей среде слухи сильно беспокоили простых граждан. «Если цены повысят, да не прибавят зарплату, то с голоду подохнем», – говорила работница одной из московских швейных фабрик. Подобные опасения звучали очень часто в рабочей среде: «От повышения цен страдают больше всего многосемейные. Я прихожу в ужас от мысли, как жить дальше? То хоть хлеба досыта ели, а теперь, когда хлеб станет в три раза дороже, просто хоть ложись и помирай» [8]. На промышленном Донбассе также звучали тревожные голоса: «Вот мы живём при этой власти уже 30 лет. У нас один голод кончается, а другой начинается». Стоматолог из г. Ворошиловград Фрейман также скептически относился к планируемому мероприятию: «Решение правительства о денежной реформе на руку лодырям и пьянчужкам. У них денег не было и не будет. А честному человеку, который день и ночь трудился, не пил и отказывал себе во многом, собирал по копейке на чёрный день – для этих людей это разорение» [9].

Органы внутренних дел регулярно отслеживали и систематизировали настроения населения. Например, результаты проверки личной корреспонденции ленинградцев показали, что распространявшиеся накануне реформы слухи сводились к следующему: «а) с 15 декабря будут отменены хлебные карточки и установлены средние цены между коммерческими и карточными. Высказывается предположение относительно норм отпуска продуктов и товаров в одни руки; б) с 15 по 30 декабря будет проведена денежная реформа. При этом будут меняться все деньги с курсом замены одного рубля новых за два рубля старых. При этом меняться будут не больше двух окладов зарплаты на каждого человека; в) курсируют также слухи о том, что деньги будут аннулированы и никакой замены не будет. Этим объясняют выдачу зарплаты за ноябрь месяц досрочно. Большое отрицательное влияние оказывают на жителей Ленинграда приезжающие москвичи за товарами в ленинградские магазины. По сообщению из крупных городов Украинской ССР там также усиленно распространяются слухи о предстоящей денежной реформе и отмене карточной системы. В связи с этим в торговых организациях наблюдается наплыв населения за покупками» [10].

Советский пролетариат в большинстве своём позитивно реагировал на планируемые мероприятия. «Это постановление является актом величайшего улучшения благосостояния трудящихся. Этим постановлением партия и правительство показывают свою заботу о рядовом трудящемся и крепко ударяет по спекулянтам. С каждым годом жизнь становится всё лучше и лучше», – звучало на собраниях рабочих Донбасса. «Я почётный шахтёр, от имени своей бригады благодарю партию и правительство и лично тов. Сталина за заботу об улучшении материально-бытовых условий трудящихся. Мы решили встать на 2-х недельную сталинскую вахту и выполнить задание досрочно» – обещал В. Лысенко, горняк шахты №3 треста «Фрунзеуголь Ровеньковского района Ворошиловградской области». На Лутугинском чугунолитейном заводе рабочие также с энтузиазмом встретили новость: «Денежная реформа и отмена карточной системы увеличивает реальную зарплату и улучшает быт трудящихся. Спасибо правительству и товарищу Сталину» [11]. В целом прослеживалось убеждение граждан в то, что «партия и Товарищ Сталин не желают зла народу»; «Раз постановление подписал товарищ Сталин, мы верим, что это единственный, самый правильный путь. Другого пути нет» и т.п. [12].

13 декабря, в субботних «Известиях» было опубликовано постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) №3866 от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

Мероприятия сводились к следующему. Все находившихся в обращении денежные знаки подлежали обмену на новые в соотношении 10:1 и дифференцированной переоценке накоплений. Вклады в сберегательных кассах в сумме до 3000 рублей, составлявшие 80% всех вкладов по стране, не подлежали переоценке, а превышающие 3000 рублей переоценивались сверх этой суммы в соотношении 3:2 (до 10 тыс. руб.), а вклады сверх 10 тыс. руб. – в соотношении 2:1. Для держателей облигаций государственных займов также были введены льготные условия переоценки. В частности, кроме облигаций займа 1947 года, которые не подлежали переоценке, облигации массовых займов обменивались на облигации нового займа в соотношении 3:1, облигации свободно реализуемого займа 1938 года – в соотношении 5:1. Обмен всех наличных денег предполагалось провести в течение недели, начиная с 16 декабря. Что характерно, в течение всего периода обмена можно было производить платежи старыми деньгами, но из расчёта одной десятой их нарицательной стоимости.

С 14 декабря сберкассам поступил запрет принимать вклады от населения, который нередко нарушался. Причём в роли злостных нарушителей выступали партийные и хозяйственные работники. Советские граждане прекрасно понимали важность и необходимость финансовой реформы. В то же время осознавали, что, по сути, она обернётся «изъятием излишков денежной массы». Поэтому особо изворотливые граждане пытались задействовать все механизмы, чтобы не допустить такой несправедливой, по их мнению, конфискации. Управление по проверке партийных органов ЦК ВКП(б), проанализировав данные о ходе денежной реформы по ряду республик, краёв и областей, пришло к неутешительному выводу: «Некоторые руководящие работники местных партийных, советских и особенно финансовых органов вместо того, чтобы оберегать интересы государства (...) сами встали на путь жульничества и беззастенчивого обмана государства, используя проведение денежной реформы в своих корыстных целях» [13]. Прокурор Омской области прямо отмечал: «Многие товарищи из советского и партийного аппарата считают до сих пор, что законы писаны не для них» [14].

Довольно распространённой была практика приёма вкладов 14 декабря, а оформление происходило «задним числом», например, 12–13 декабря, т.е. до запрета. Кроме этого фиксировались случаи сдачи личных денег через кассы торгующих организаций под видом выручки, досрочное погашение старыми деньгами подписки на государственный заем, разных ссуд и кредитов, приём вкладов через подставных лиц, «дробление» вкладов и оформление их на родственников и т.п. Например, в г. Кременчуг с разрешения первого секретаря горкома партии у сотрудников аппарата горкома 15 декабря были собраны 30 тыс. рублей и обменены через текущий счёт промартели в госбанке как выручка от продажи товаров. Всего по 40 республикам, краям и областям, по неполным данным, в нарушении закона о проведении денежной реформы были уличены 145 секретарей райкомов и горкомов партии [15].

Отметим, что, наибольшее недовольство граждан вызвали несправедливые условия обмена денежных средств. В то же время, не имея практически никаких сбережений, рядовые труженики ничего не потеряли. Однако, некоторые категории граждан (включая спекулянтов и «теневиков»), хранивших собственные сбережения дома, понесли порой существенные потери. Например, крестьяне (ввиду отсутствия отделений финансовых учреждений на селе), высокооплачиваемые категории граждан, администрация, передовики производства и т.п. Работница колхоза «Радянське село» Нижне-Дуванского района Ворошиловградской области А. Паюнова не успев до 15-го декабря погасить остаток ссуды, которую она брала на строительство дома, и обменивая 16-го декабря 1200 рублей на новые деньги, заявила: «Отак з нас шкуру деруть». Там же, в соседнем райцентре Новый Айдар колхозник Кулешов заявил: «Я корову продал за 6 тысяч, а теперь получу только 600 рублей». Порой не обходилось без скандалов. Так, в информационной записке Ворошиловградского обкома КП(б) У для ЦК КП(б) У от 17 декабря 1947 г. приводились подобные факты. Например, «с шумом и с нецензурной бранью обменивали деньги инвалиды Отечественной войны 2-й группы А. Ткаченко (3400 рублей) и П. Ржевский (3200 рублей), копившие эти деньги на строительство». Домохозяйка Лагутенко, жена неработающего инвалида войны, кричала на обменном пункте: «Нам в магазинах и раньше не было ничего, и сейчас не будет. Как же так, портрет Ленина бросили в грязь», очевидно

намекая на обмен червонцев серии 1937 года с портретом вождя революции на новые деньги по курсу 1:10. Некоторые граждане обменивали по 30 – 40 – 50 тыс. рублей, теряя при этом до 90% [16].

Ворошиловградец В. Симиренко, рабочий завода им. А. Пархоменко, утверждал, что «всё ничего, но жаль, что 300 рублей пропали. Знал бы вчера – пропил бы». Иностранцы специалисты строящегося Рубежанского химкомбината также сокрушались, что потеряли все свои сбережения, поскольку хранили деньги дома. Некоторые сожалели, что поддавшись паническим слухам осенью 1947 г. забрали свои сбережения из сберкасс, потеряв при обмене 90%. Так, работница швейной фабрики Смирнова жалела, что «послушавшись совета знакомых забрала свои деньги из сберкассы. Мне бы правительство обменяло рубль на рубль, а сейчас буду иметь десятую часть своих денег». Как правило, недовольство отдельными аспектами финансовой реформы высказывались либо в семейном кругу, либо среди друзей и коллег. Например, работник отдела сбыта ворошиловградского паровозостроительного завода им. Октябрьской революции Могильников в кругу коллег негативно отзывался о мероприятии: «Ну как Вам нравится правительственный жест, один взмах и Вы нищие». Встречались негативные высказывания и среди ИТР. Так, инженер того же предприятия И. Аносов в присутствии других инженеров сожалел, что «для пенсионеров это просто обдираловка. Правительство неправильно поступило, ведь деньги пропали, продукты также возросли в цене, теперь их не будет и в закрытых магазинах, и придётся покупать у тех же спекулянтов». Некоторые занимали нейтральную позицию: «Это мероприятие конечно хорошее, так как при отмене карточной системы появится много продуктов. Но это на несколько дней, а потом снова ничего не будет, и мы останемся без денег и без продуктов» [17].

Одновременно с проведением денежной реформы с 16 декабря была отменена карточка система снабжения продовольственными и промтоварами, отменены коммерческие цены и введены единые розничные цены. Причём, если на хлеб, муку, крупу и макароны цены были снижены в среднем на 10% по сравнению с действовавшими пайковыми ценами, то на остальные виды продовольствия цены были оставлены на уровне пайковых. Цены на продовольственные товары были выше довоенных и, за исключением необходимого минимума, недоступными для большинства населения [18]. «Вольную продажу сделали, а дороговизна как была, так и осталась; у кого были деньги, тот и будет брать, а то мы выбираем, а они боятся сказать, чтоб улучшили жизнь» – писал анонимный избиратель [19]. В то же время, на страницах советской прессы доминировали положительные отзывы граждан.

Практически на следующий день выходит постановление правительства СССР от 14 декабря 1947 г. №3867 «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки». Устанавливались предельные нормы отпуска товаров в одни руки. Например, хлеб печёный – 2 кг; крупа, макароны – 1 кг; мясо и мясопродукты – 1 кг; колбасные изделия и копчёности – 0,5 кг; сметана – 0,5 кг; молоко – 1 л; сахар – 0,5 кг; хлопчатобумажные ткани – 6 м; нитки на катушках – 1 катушка; чулки-носки – 2 пары; обувь кожаная, текстильная, резиновая – по 1 паре каждой; мыло хозяйственное – 1 кусок; мыло туалетное – 1 кусок; спички – 2 коробка; керосин – 2 л и т.д. Установленные нормы привели к массовым эксцессам. Так, в письмах рабочих и служащих в ЦК ВКП (б) и газету «Правда» звучало: «В очередях у хлебных магазинов происходит ужасная картина, установили «десятки», выделили бригадиров и наблюдателей у входа. Рабочий получает на 3–4 суток 2 кг хлеба. Ежедневно происходит мордобитие. Все это создаст ужасное положение рабочих» (г. Семипалатинск); «В городе Спасске исключительно плохое снабжение хлебом. Чтобы получить хлеб, надо отстоять в очереди с утра и до следующего утра. Я инвалид войны, ввиду своего здоровья не могу лезть в давку, и потому я и моя семья из 5 человек вот уже 10 дней не видим хлеба» (Рязанская область) [20]. Несколько иной была ситуация на Донбассе, где власть создала достаточные запасы продовольствия. Например, в Ворошиловграде при дореформенной, пайковой торговле в сутки реализовывалось 70 тонн хлеба, то после реформы обычно уже к обеду торговля достигала 87 тонн при суточной норме выторга в 117 тонн. Аналогичный спрос повысился и на другие товары первой необходимости. Если ситуация с торговлей хлебом была удовлетворительной, то мясомолочная продукция оказалась в дефиците, чем воспользовались спекулянты-

перекупщики, немедленно взвинтив цены на рынках. В конце декабря в обкомах КП(б)У были проведены совещания «О недостатках торговли в первые дни без карточек», где были озвучены выявленные недостатки и выработаны механизмы их устранения [21].

После отмены карточной системы государственные розничные цены на многие потребительские товары, в том числе на одежду, обувь, трикотажные изделия, вопреки массовым ожиданиям советских граждан, по сравнению с пайковыми расценками, значительно выросли. Уже в течение первого дня торговли без карточек определилась группа товаров повышенного спроса. В Москве больше обычного шла торговля сахаром, крупой, растительным маслом. Из промтоваров лучше всего раскупалась резиновая обувь, особенно галоши. Например, продажа галош составила главную выручку по всем крупным московским универсамам. Один Москворецкий универсам продал за день 1500 пар галош (для сравнения: кожаной обуви – только 120 пар) [22].

Информация о результатах реформы и расследовании злоупотреблений, связанных с ней, оперативно составлялась и поступала в правительство ежемесячно и ежеквартально в течение всего 1948 года. Например, в докладной записке главы МВД СССР С. Круглова от 21 мая 1948 г. на имя Сталина, Молотова, Берии, Маленкова, Вознесенского, Косыгина и Жданова подытоживался ход денежной реформы, и обобщались выявленные злоупотребления в торговой и финансовой сети. В результате проверки финансовых операций с 16 декабря 1947 по 1 мая 1948 года в банковских учреждениях, в сберегательных кассах и других организациях органы МВД выявили скрытых от учёта и похищенных товаров на 61 млн. 715 тыс. 187 рублей. Выявлено незаконных вкладов в сберегательные кассы и отделения Госбанка на сумму 101 млн. 288 тыс. 500 рублей. За эти преступления привлекли к уголовной ответственности 19551 человек. Среди них оказалось 4401 членов и кандидатов в члены ВКП(б). У лиц, привлечённых за преступления, связанные с проведением денежной реформы, изъяли: денег нового образца – 14 млн. 534 тыс. 814 рублей; продовольственных товаров на сумму – 23 млн. 026 тыс. 642 рубля; промышленных товаров на сумму – 16 млн. 288 тыс. 313 рублей; других ценностей на сумму – 6 млн. 656 тыс. 156 рублей. Всего изъяли товарно-денежных ценностей на сумму 60 млн. 505 тыс. 925 рублей [23]. Следует отметить, что большинство партийных и хозяйственных работников не стали нарушать закон и обменивали деньги на общих основаниях. Например, в райцентре Новый Айдар Ворошиловградской области некоторые колхозницы упрекали районных руководителей в том, что они, будучи осведомлены о планируемой реформе заранее, успели сдать деньги. В то же время, оказалось, что местный глава райисполкома Журба наоборот, сняв со счёта 2000 рублей на приобретение поросёнка и не купив его, вынужден был обменять их по невыгодному курсу 1:10 [24].

Тщательнейшей проверке была также подвергнута сфера торговли. В частности, за преступления, связанные с проведением денежной реформы, к уголовной ответственности привлекли 10784 работника торговых организаций, что составило 55,2% к общему числу привлечённых за эти преступления. В том числе работников системы Министерства торговли – 4017, работников системы потребкооперации – 4129 и работников торговли других систем – 2638. Среди привлечённых оказалось 3466 директоров и заведующих торговыми предприятиями и их заместителей. В банковских учреждениях и сберкассах за преступления, связанные с денежной реформой, привлекли к уголовной ответственности 3475 финансовых работников, что составило 17,8% к общему числу привлечённых. В числе привлечённых 2572 работника сберкасс и 903 работника отделений Госбанка. Общая сумма возвращённых государству средств в порядке возвращения ущерба, причинённого преступниками в ходе проведения денежной реформы, составила свыше 160 млн. рублей [25]. Как справедливо отмечает Е. Зубкова, организуя судебные процессы над нарушителями закона о денежной реформе, власти столкнулись с неоднозначной реакцией людей. Сам факт, что «жулики и воры» оказались за решёткой, вызывал естественное одобрение и работал на авторитет власти, которая в данном случае выступала в роли защитницы интересов «простых людей». Но в то же время сама власть, в лице её отдельных представителей, отнюдь не выглядела «чистой», а прямое укрывательство от ответственности партийных чиновников вызывало обоснованное подозрение, что все вновь ограничилось наказанием «козлов отпущения» [26].

Заключение

Несмотря на очевидные промахи, реформа прошла организованно и без серьёзных эксцессов. Она существенно укрепила систему государственного кредита, наблюдался большой приток вкладов в период реформы и после её проведения. Она не могла быть безболезненной, и свою задачу с государственной точки зрения, она выполнила. Был нанесён удар по спекулянтам, державшим свои накопления на руках. Полностью решили вопрос возможности использования как фальшивых денег, так и советских, вывезенных оккупантами из СССР. В результате реформы были ликвидированы последствия Второй мировой войны в области денежного обращения, без чего невозможно было отменить карточную систему и перейти к торговле по единым ценам. Однако значительное число честных граждан, в силу разных причин державших сбережения дома, потеряло почти все накопления. Сократив объём наличных денег у населения, так и не удалось ликвидировать диспропорцию между спросом и предложением. В столице государства и союзных республик удавалось поддерживать необходимый уровень товарных запасов. Ситуация же в других городах и регионах на потребительском рынке складывалась местами критическая. В разряд дефицитных товаров попадал даже хлеб. Если с хлебом ситуацию впоследствии удалось стабилизировать, то с остальными товарами народного потребления не удалось переломить. Вплоть до распада СССР в 1991 году товарный дефицит был неотъемлемой чертой советского государства.

Послевоенный период занимает особое место в советской истории. Существенные перемены в общественных настроениях советских граждан тех лет были обусловлены, прежде всего, нестабильностью самого периода перехода общества от состояния войны к мирной жизни. Этот переходный период закончился условно к 1948 г., когда была завершена демобилизация из армии, восстановлена промышленность, проведена денежная реформа, отменены карточки как символ военного времени [27]. Многие напрасно ожидали, что с долгожданной победой в войне наступят и вполне закономерные улучшения во многих сферах повседневной жизни. Послевоенная реальность внесла свои коррективы в настроения граждан. Диспропорция между действительностью и ожиданиями не могла не отразиться на настроениях граждан, и обусловила своеобразные практики послевоенного существования. Страх перед любыми новациями в сфере финансов и убеждение в том, что любая реформа осуществляется в интересах государства и за счёт населения прочно укоренились в сознании последующих поколений.

Примечания:

1. Завадская Э.Ю., Царевская Т.В. Денежная реформа 1947: реакция населения. По документам из «особых папок» Сталина // Отечественная история. – 1997. № 6. С. 134–140; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. – М.: Россия молодая, 1993. – 201 с.; Её же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 гг. – М., 1999. – 230 с.; Её же. Мир мнений советского человека 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. – 1998. № 4. С. 25–38; Кононенко В.В. Суспільно-політичні настрої та моральний стан населення України в повоєнний період (1945–1953 рр.) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. – К., 2004. – 231 с.; Чуднов И.А. Денежная реформа глазами современников // Социол. исследования. – 1999. № 2. С. 99–101. Его же: Теория и практика денежных реформ в СССР: дисс. ...док. экон. наук: 08.00.01. – СПб, 2005. – 293 с.

2. Бромлей Н. Уровень жизни в СССР (1950–1965 гг.) // Вопросы истории. – 1966. № 7. С. 3–18; История советского рабочего класса: в 5 т. / Т.4. – Рабочий класс в годы упрочения и развития социалистического общества (1945–1960 гг.). – М.: Наука, 1984. – 520 с.; Коваленко К.І. Зростання матеріального добробуту і культурно-технічного рівня працівників вугільної промисловості в післявоєнний період (на матеріалах Донбасу). – К., 1953. – 120 с.; Козлов Г.А. Преимущества советской денежной системы и реформы // Партийная жизнь. 1947. № 24. С. 27–36; Москвин В. Снижение розничных цен и подъем благосостояния советского народа // Большевик. 1949. № 6. С. 36–47.

3. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 8–9.

4. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 82.

5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 334.

6. Чуднов И. А. Денежная реформа...С. 99-100.
7. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 332-336.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 12.
9. Государственный архив Луганской области (далее – ГАЛО). Ф. П-179. Оп. 3. Д. 621. Л. 102, 123–124.
10. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 357–358.
11. ГАЛО. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 621. Л. 120–122.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 56–57.
13. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 83.
14. Чуднов И. А. Денежная реформа...С. 100.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 900. Л. 177.
16. ГАЛО. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 621. Л. 147–148, 150.
17. ГАЛО. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 621. Л. 124, 130–134.
18. Завадская Э.Ю., Царевская Т.В. Денежная реформа 1947: реакция населения... С. 135.
19. Чуднов И. Денежная реформа...С. 101.
20. Улюкаев А., Аксенов Ю. Легенды об одной реформе // Неделя. 1990. № 19. С. 16.
21. ГАЛО. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 621. Л. 139–140, 150–152, 172.
22. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 88.
23. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 103.
24. ГАЛО. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 621. Л. 150.
25. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 104–105.
26. Зубкова Е. Послевоенное советское общество... С. 85.
27. Зубкова Е. Мир мнений советского человека 1945–1948... С. 26.

References:

1. Zavadskaya E.Ju., Tsarevskaya T.V. Denezhnaya reforma 1947: reaktsiya naseleniya. Po dokumentam iz «osobykh papok» Stalina // Otechestvennaya istoriya. – 1997. № 6. S. 134–140; Zubkova E.Ju. Obshchestvo i reformy. 1945–1964. – М.: Rossiya molodaya, 1993. – 201 s.; Ejo zhe. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953 gg. – М., 1999. – 230 s.; Ejo zhe. Mir mneniy sovetskogo cheloveka 1945–1948 gody. Po materialam CK VKP (b) // Otechestvennaya istoriya. – 1998. № 4. S. 25–38; Kononenko V.V. Suspil'no-politichni nastroi ta moral'niy stan naselennja Ukraïni v povoenniy period (1945–1953 rr.) : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01. – К., 2004. – 231 s.; Chudnov I.A. Denezhnaya reforma glazami sovremennikov // Sociol. issledovaniya. – 1999. № 2. S. 99–101. Ego zhe: Teoriya i praktika denezhnyh reform v SSSR: diss. ...dok. ekon. nauk: 08.00.01. – SPb, 2005. – 293 s.
2. Bromley N. Uroven' zhizni v SSSR (1950–1965 gg.) // Voprosy istorii. – 1966. № 7. S. 3–18; Istoriya sovetskogo rabocheho klassa: v 5 t. / T.4. – Rabochiy klass v gody uprocheniya i razvitiya socialisticheskogo obshhestva (1945–1960 gg.). – М.: Nauka, 1984. – 520 s.; Kovalenko K.I. Zrostannja material'nogo dobrobutu i kul'turno-tehnichnogo rivnja pracivnikov vugil'noï promislovosti v pisljavoenniy period (na materialah Donbasu). – К., 1953. – 120 s.; Kozlov G.A. Preimushhestva sovetskoy denezhnoy sistemy i reformy // Partijnaya zhizn'. 1947. № 24. S. 27–36; Moskvina V. Snizhenie roznichnykh tsen i podyom blagosostojaniya sovetskogo naroda // Bol'shevik. 1949. № 6. S. 36-47.
3. Zubkova E. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo... S. 8-9.
4. Zubkova E. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo... S. 82.
5. Gosudarstvenniy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (dalee – GARF). F. 9401. Op. 2. D. 171. L. 334.
6. Chudnov I. Denezhnaya reforma...S. 99-100.
7. GARF. F. 9401. Op. 2. D. 171. L. 332-336.
8. Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv social'no-politicheskoy istorii (dalee – RGASPI). F. 17. Op. 121. D. 524. L. 12.
9. Gosudarstvenniy arkhiv Luganskoy oblasti (dalee – GALO). F. P-179. Op. 3. D. 621. L. 102, 123–124.
10. GARF. F. 9401. Op. 2. D. 171. L. 357–358.

11. GALO. F. P-179. Op. 3. D. 621. L. 120–122.
12. RGASPI. F. 17. Op. 121. D. 524. L. 56–57.
13. Zubkova E. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo... S. 83.
14. Chudnov I. A. Denezhnaya reforma...S. 100.
15. RGASPI. F. 17. Op. 88. D. 900. L. 177.
16. GALO. F. P-179. Op. 3. D. 621. L. 147–148, 150.
17. GALO. F. P-179. Op. 3. D. 621. L. 124, 130–134.
18. Zavadskaya E., Tsarevskaya T. Denezhnaya reforma 1947: reaktsiya naseleniya... S. 135.
19. Chudnov I. Denezhnaya reforma...S. 101.
20. Uliukaev A., Aksenov Ju. Legendy ob odnoy reforme // Nedelja. 1990. № 19. S. 16.
21. GALO. F. P-179. Op. 3. D. 621. L. 139–140, 150–152, 172.
22. Zubkova E. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo... S. 88.
23. GARF. F. 9401. Op. 2. D. 200. L. 103.
24. GALO. F. P-179. Op. 3. D. 621. L. 150.
25. GARF. F. 9401. Op. 2. D. 200. L. 104–105.
26. Zubkova E. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo... S. 85.
27. Zubkova E. Mir mneniya sovetskogo cheloveka 1945–1948... S. 26.

УДК 93:477(1947)

**«С шумом и с нецензурной бранью обменивали деньги инвалиды
Отечественной войны...»: архивные документы о реакции советских
граждан на денежную реформу 1947 года**

Игорь Евгеньевич Татаринов

Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганская народная республика

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений
91034, г. Луганск, квартал Молодёжный, 20а

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются послевоенные правительственные мероприятия по стабилизации финансовой системы СССР сквозь призму реакции советских граждан на денежную реформу 1947 года и отмену карточной системы. На основе применения архивных материалов изучается оценка населения на резонансные события послевоенной советской повседневности в сфере финансов. В результате реформы были ликвидированы последствия Второй мировой войны в области денежного обращения, полностью изъяв фальшивые деньги из обращения.

Сократив объем наличных денег у населения, так и не удалось ликвидировать диспропорцию между спросом и предложением. Послевоенная реальность внесла свои коррективы в настроения граждан. Диспропорция между действительностью и ожиданиями не могла не отобразиться на настроениях граждан, и обусловила своеобразные практики послевоенного существования. Публикуемые источники могут быть полезными для историков, занимающихся исследованиями социальных настроений граждан советского периода и послевоенной советской повседневностью.

Ключевые слова: карточная система, инфляция, финансовая реформа, социальные настроения, злоупотребления, повседневность.